

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1993 г.

Глава 1

Исполинская свинцовая туча с фатальной неизбежностью нависала над горизонтом, атакуя землю выстрелами из молниевых пушек. Ослепительные зигзаги насквозь прорезали темное небо, а вслед за этими вспышками по крышам высотных домов катился гром. Дождя еще не было, но дул сильный ветер, поднимая клубы пыли вперемешку с мусором и приклоняя верхушки деревьев. Вечер еще не наступил, а в городе уже было темно; зажглись фонари на столбах и лампочки в окнах домов.

Темноты Севастьян не боялся. Пусть погаснет свет, пусть наступит ночь — это его не пугает, ведь с ним Полина, самая красивая и самая желанная девушка на свете. Она освещает его жизнь, и хотелось надеяться, что так будет всегда.

Все два года, что он провел на далекой пограничной заставе в горах Таджикистана, она верно ждала его. Ей было шестнадцать лет, когда его призвали в ряды еще Советской тогда армии. Сейчас Полине восемнадцать, и она уже совсем взрослая девушка. И мама его ходила за ней присматривать, и сестра — и все это вовсе не из добрых побуждений. Они хотели уличить ее в nepотребстве, но из этого у них ничего не вышло, потому что Полина и порок несо-

вместимы. Может, мать у нее оторви да выбрось, но дочь точно не в нее. И пусть не упрекают его родные в том, что он связался с ней. Полина — лучше всех, и ему не жить без нее.

Она стояла рядом с ним и также смотрела в окно.

— Тебе не страшно? — спросил Севастьян.

Она нежная, хрупкая, стройная и тонкая, как тростинка. Она должна была бояться и молнии, и мышей, и всего, что так пугает женщин.

— Нет.

Бледное лицо Полины было спокойным. Только в глазах печаль и тоска. И гром небесный здесь ни при чем. На днях Полина похоронила бабушку, которая растила ее как свою дочь. Беспутная мать была где-то далеко, отца вообще не было — в общем, девушка осталась полной сиротой. Но бояться ей нечего, ведь Севастьян всегда будет рядом с ней.

Он взял ее за руку. Нежная у нее ладонь, мягкая, но холодная, как будто кровь не греет. Севастьян поднес ее пальцы к губам, жарко задышал.

— Зачем?

Она не отняла руку, но вопрос ее прозвучал неодобрительно.

— Согреть хочу.

— А разве мне холодно?

Ее голос был нежный, певучий, с бархатистыми нотками, но в нем недоставало душевного тепла.

— Ну, мне показалось.

Он обнял ее за талию, чтобы привлечь к себе, но девушка пресекла его попытку.

— Не надо, — слегка поморщилась она, отступив на шаг в сторону.

— Я понимаю, — уныло и неопределенно сказал он.

— Что ты понимаешь? — пристально посмотрела на него Полина.

— Ну, душа у тебя болит...

Из армии Севастьян вернулся в тот день, когда она похоронила бабушку. В форме, с медалью на груди он пришел к ней домой. Дверь в квартиру была открыта, но, кроме нее, в доме никого не было. На кухне — гора посуды, в гостиной — пустой стол, за которым справлялись поминки. Полина сидела на краешке дивана и отрешенно смотрела в угол комнаты. Увидев его, она долго соображала, кто к ней пожаловал. А когда поняла, кто перед ней, изобразила жалкое подобие улыбки, подошла к нему, лбом ткнулась в его плечо и заплакала. Он попытался ее обнять, но этим только все испортил. Она оттолкнула его, ушла на кухню, встала за мойку. Он тогда снял китель, закатал рукава и помог перемыть ей всю посуду, после чего она вежливо, но решительно выставила его за дверь. А ведь он мог ее утешить...

И сегодня она впустила его к себе в дом без особого желания. А ведь когда-то плакала, провожая его в армию, даже позволяла себя целовать. И два года ждала его... Хотелось бы, конечно, проверить, насколько верным было это ожидание, но Полина не подпускала его к себе. А ведь ей уже восемнадцать. Два года назад она была тощей угловатой девочкой с неоформленными, по-детски мягкими чертами лица, а сейчас казалась хоть и худенькой, но вполне сформировавшейся женщиной с аппетитными округлостями. В ее светлых, хрустально-прозрачных, завораживающих, как и прежде, глазах появилась дымчатая поволока, загадочно затуманивающая взгляд. Русые волосы, такие же пышные,

сейчас были расчесаны и спадали на плечи ровными струями. Ее лицо и тело, казалось бы, жаждали страстных поцелуев. Только Полина этого не хотела. В душе она так и осталась чистым, далеким от порока ребенком. И Севастьяна она не воспринимала как мужчину...

Он мог понять ее равнодушие к себе. Горе, боль утраты, тоска по любимой бабушке... Но все чаще он ловил себя на мысли, что дело не только в этом.

— И душа болит, — кивнула Полина. — И света не хватает. Как будто жизнь остановилась. Как будто все мы на том свете. — Движением руки она показала на окно, за которым в сгущающейся темноте сверкала молния.

— Неправда, жизнь не остановилась, — не согласился он. — Жизнь только начинается. Ирины Максимовны нет, но есть я. Мы вместе сейчас. И будем вместе всегда. Я этого хочу.

— А у меня ты спросил, хочу я этого или нет? — тихо сказала она и будто бы в раздумье отвела в сторону взгляд.

Она и сама не знала, хочет она быть с ним или нет. Почему? Может, у нее кто-то есть? Севастьян встревоженно посмотрел на нее.

— Хочешь или нет? — дрогнувшим голосом спросил он.

Полина была красивой девушкой, но взяла она его не только этим. В ней была какая-то изюминка. Нет, самый настоящий бриллиант, драгоценный камень, обладающий невероятной магической силой и притягательностью. Иной раз, с восторгом думая о ней, Севастьян чувствовал, как у него останавливается сердце. Все два года он только и жил ею одной, каждый день писал ей письма, хотя отвечала она

нечасто. Но ведь отвечала. И на вокзале в час расставания поцеловала его в губы. Может, и не очень горячо, но ведь от всей души.

Эта девушка была настолько дорога ему, что, безо всякого преувеличения, он был готов за нее умереть. Он просто не имел права терять ее. А вдруг все к этому как раз и катится?

— Не знаю.

— У тебя кто-то есть? — нервно напрягся он.

— В каком смысле? — с искренним непониманием посмотрела на него Полина.

— Ну, в прямом... Может, ты другого себе завела? — спросил он, запинаясь от волнения. — Ну, пока меня не было.

— Кого другого?

— Ну, парня.

— Зачем?

— Ну, зачем девушки заводят себе парней?

— Чтобы с ними дружить. А зачем это мне, если я с тобой дружу?

— Дружишь... — надув щеки, буркнул он. — Холодная у тебя какая-то дружба. Я тебе как будто неродной... А ведь я два года на тебя, как на икону, молился...

— Как на икону? — повеселела она, и взгляд ее потеплел. — У меня весь ящик в столе твоими письмами забит.

— Я думаю, ты бы могла греться у этого стола, если бы зимой вдруг отключили отопление. Там столько тепла, в этих письмах...

— Ты так говоришь, что мне становится страшно, — смущенно посмотрела на него Полина.

— Страшно? Почему?

— Мне кажется, что ты в меня влюблен.

— Тебе кажется? Да я в каждом письме об этом писал!

— Ну да, писал... Только ведь это в письмах... — зарделась она. — А ты здесь, сейчас, со мной. И говоришь так, что меня в жар бросает...

— Говорю. Потому что люблю тебя. Очень-очень люблю!

Он взял Полину за руку, приложил ее ладонь к своей груди. Она не пыталась вырваться, но ее глаза выражали тревогу, с которой голубка наблюдает за приближающейся кошкой. Казалось, она боялась, что Севастьян может ее съесть. Или по меньшей мере задушить в своих объятиях.

— Ты тоже мне нравишься, — сказала она, пряча глаза.

— Я уже взрослый, в армии отслужил, и ты техникум почти окончила. Мы бы могли пожениться.

— Это предложение? — смущенно спросила она.

— Да, если хочешь.

— А если не хочу?

— Не хочешь, чтобы я делал тебе предложение?

— Нет, замуж за тебя не хочу. А может, и хочу... Ты знаешь, как мне девчонки из группы завидовали? — весело вдруг улыбнулась она.

В комнате вдруг посветлело, и Севастьян даже глянул в окно, решив, что это солнце вышло из-за туч. Но нет, на улице по-прежнему было сумрачно, и по стеклу еще хлестал дождь.

— Особенно Зойка.

— Какая Зойка? — раззадорился и он.

— Ну, беленькая такая. Глаза у нее голубые, ресницы большие... Ты должен помнить.

— Почему должен?

— Потому что она тебе нравилась, — с укоризненной, но все-таки весело сказала Полина.

— Не нравилась, — упрямо мотнул головой Севастьян.

С Зойкой Левашовой он познакомился в последний год учебы в индустриальном техникуме. Девчонка-первокурсница строила ему глазки, а на одной из дискотек пригласила его на белый танец. Он даже несколько раз проводил ее домой, а однажды целовался с ней в подъезде. Так бы их отношения и развивались, если бы Севастьян не познакомился с Полиной, ее подружкой и сокурсницей. Вот когда он узнал, что такое настоящая любовь. А Зойка отошла на задний план, хотя девчонка она была симпатичная, даже более чем: прелестное личико, изящная фигурка, а выжженные пергидролем волосы нисколько ее не портили.

— Ну не знаю. А ты ей очень нравишься. И Катке тоже. Они твою фотографию просили, ну где ты в форме. Только я им не дала, показала и все. Может, они бы ее к бабке какой-нибудь отнесли, чтобы она тебя приворожила.

— Ну да, мне такое счастье не нужно, — улыбнулся Севастьян. — Чтобы и с Зойкой сразу, и с Каткой...

— Одна под левую руку будет тебя держать, другая — под правую, — засмеялась Полина. — Так и будешь с ними ходить.

— Ни ходить я с ними не хочу, ни лежать. Мне ты нужна. Только ты!

— Ну не смотри на меня так! — чуть ли не умоляюще попросила его девушка.

— Как?

— Как будто ты в меня по уши влюблен, — покраснела она.

— Почему как будто? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

Он протянул к ней руку, обнял ее за талию и даже смог на пару мгновений боком прижать к себе. Полина отстранилась, отошла на шаг и неодобрительно посмотрела на него.

— Не надо.

— Почему? — обиженно спросил он.

— Э-э... Мы же в квартире одни, — замялась она.

— И что?

— Ну вдруг забудемся, всякое тогда может произойти.

— Это плохо?

— Плохо. Мы же не муж и жена.

— Можно исправить это недоразумение. Прямо завтра и подадим заявление в ЗАГС.

— Я не знаю...

Полина в раздумье смотрела куда-то мимо него, будто взвешивая в мыслях все «за» и «против».

— Можно и послезавтра, — обескураженно сказал он.

— Да дело не в том, завтра или послезавтра...

— А в том, хочешь ты или нет, — опечаленно заключил Севастьян.

Не хотела Полина выходить за него замуж. Может, умом она и понимала, что за ним будет как за каменной стеной, но ее душа отвергала его. И он, увы, это чувствовал.

— Мы с отцом дом строить начинаем, — сказал Севастьян. — Для меня. Хороший дом построим, большой, хорошо жить будем, лучше, чем другие.

Дети у нас будут. Красивые. Такие же красивые, как ты...

— И ты красивый, — кивнула она. — Зойка говорит, что ты самый красивый.

— При чем здесь Зойка?

— Да так, вспомнила про нее, потому и сказала. Но мне рано замуж.

— Почему? Тебе уже восемнадцать, совсем взрослая. Техникум окончишь, тогда распишемся. А чего тянуть?

— Быстрый ты.

— Ничего себе быстрый! Два года о тебе мечтал.

— Мечтал... — улыбнулась она с оттенком хоть и ласкового, но снисхождения.

— И мечтал, и жил тобой. А дни до дембеля считал, не потому что тяжело было, а потому что тебя хотел поскорей увидеть.

— Меня?

— Ну не Зойку же!

— Ты знаешь, она у нас на курсе самая красивая. За мной никто не бегает, а за ней — все пацаны!

— Ты что, ей завидуешь?

— Нет. Ведь ей ты нравишься. А ты со мной. Только я боюсь, что ты в нее влюбишься, когда увидишь, — без всякого страха и даже переживаний сказала она.

— Исключено.

— А можно я ей скажу, что мы с тобой поженимся? — раззадорилась Полина.

Севастьян улыбнулся с грустинкой во взгляде. Вот она, классическая девичья дружба. Неважно, сколько поклонников у подруги, главное, чтобы любимого парня к рукам прибрать. Нравится Полине

Севастьян или не очень, но из желания умыть Зойку она готова принять его предложение... Готова?

— Завтра мы подадим заявление в ЗАГС, тогда можно, — кивнул он.

— Хорошо, завтра мы идем в ЗАГС, — решилась она.

— Поверь, ты никогда об этом не пожалеешь!

Севастьян снова обнял Полину за талию, прижал ее к себе. На этот раз она не упрямилась, позволяла себя обнимать, но делала это без охоты. А когда он стал целовать ее волосы, щеки, мочки ушей, ее спина пошла дрожью.

— Ты самая лучшая. Люблю тебя. Только тебя, — возбужденно бормотал он, прижимая ее к себе.

Она прятала от поцелуя свои губы, но это не охлаждало его пыл. Он целовал ее в шею, зарылся лицом под лацкан ее халата, коснулся губами ее ключицы. Запах ее волос, ароматный вкус нежной кожи мутили его рассудок. Его пальцы сами развязали узелок на пояске, развели полы ее халата... Но на этом все и закончилось.

— А не слишком ли ты разогнался? — раздраженно поморщилась она, оттолкнув его от себя.

— Извини.

Он виновато потупил взгляд, чтобы не видеть, как она запахивает халат. Сейчас у него нет особых прав на Полину. Но ведь она согласилась выйти за него замуж и скоро станет его женой. Надо лишь дождаться первой брачной ночи. После двух лет ожидания один месяц казался ему сущим пустяком.

— Тебе уже пора, — сказала она, взглядом показав на дверь.

— Совсем или до завтра?

— Завтра приходи, — обнадежила его Полина. — Только руки не распускай, не надо.

Он хотел сказать, что ее слово — закон для него, но в дверь вдруг позвонили.

— Кто это может быть? — растерянно посмотрела на него девушка.

— Шаровая молния, — пошутил он.

— Да ну тебя, — отмахнулась от него Полина и пошла открывать.

Севастьян вышел в прихожую вслед за ней. Мало ли, вдруг это какой-то буян ломится к ней в дверь. Ему очень хотелось, чтобы так и случилось. Дать этому грубияну в лоб, блеснуть перед Полиной своей силой. Драться Севастьян умел, и кулаки у него — будь здоров.

Но через порог переступила какая-то женщина, немолодая, но еще со следами былой красоты. Светлые вьющиеся волосы на голове, большие раскосые глаза, выразительные черты лица, кожа не совсем свежая, но гладкая, загорелая. А достоинства стройного тела как нельзя лучше подчеркивало тесное и короткое платье леопардовой расцветки. Она могла бы произвести хорошее впечатление, если бы не хмельная затуманенность ее взгляда и не потасканный вид. Губы ее были ярко накрашены, глаза — как у проститутки, а у красных туфель на высоком каблуке были сбиты носки.

— Привет, Полинка!

Женщина попыталась обнять девушку, но та отпрянула назад.

— Чего вам нужно? — звонко спросила она, жалея о том, что поторопилась открыть дверь нараспашку.